

ОЖИВШИЕ ТАНЦЫ ПРЕДКОВ

РЕВНЕЕ название кхмеров — «камбуджи», то есть сыновья некоего легендарного всеобщего предка — отшельника Камбу Сваямбхувы и небесной нимфы Меру. Для поэтических легенд кхмеров характерно полное отсутствие границ между реальным и фантастическим.

В далекие времена, говорит легенда, вся территория Камбоджи была покрыта водой. Волны морского прибоя разбивались лишь о небольшой песчаный островок. По вечерам, как только лунные блики затевали свой бесшумный хоровод на тугих ребрах волн, на отмель выходила девушка по имени Сома — прекрасная дочь змея Нага, царя вод. Однажды ее увидел принц, изгнанный отцом из родной страны. Увидел и, как водится в сказках, полюбил с первого взгляда. Водяной царь не стал противиться счастью молодых. Он даже не заставил жениха лезть в морскую пучину, а выпил воду, покрывавшую страну, и подарил ему царство, которое назвал Камбуджа.

Змей позаботился и о потомстве молодых, составившем в наше время около семи миллионов человек: он оставил им Великое озеро в середине страны, наполненное рыбой, и могучую реку, которую люди называли Меконг — «Мать вод». Нага стал символом Меконга, символом воды — вечной жизни. Изображения Нага встречаются на террасах и фронтонах древних храмов.

Наиболее известны гигантские храмовые комплексы Ангкор-Ват и Байон. Храмы увенчаны диковинными башнями, опоясаны бесконечно длинными галереями, украшены искусными барельефами и бесчисленными скульптурами.

Сами кхмеры, потрясенные творением рук своих, сочинили легенды о сверхъестественном происхождении храмов и поверили в них. Величественный Ангкор-Ват, например, считается повторением на земле небесного дворца бога Индры, построенным по его повелению «небесным архитектором» Преа Пуснуком, который призвал в помощь себе лучших мастеров, скульпторов и художников всех стран и народов.

В наши дни в конце каждой недели с наступлением ночи на сизых от времени ступенях храма появляются артисты Национального балета Камбоджи. Они танцуют при свете современных прожекторов для туристов, съехавшихся из разных стран мира. Танцуют под звуки древних мелодий, исполняемых на таких же точно инструментах, какие изображены на каменных рельефах храма. Камбоджийский балет ревностно хранит традиции древнего танца — его рисунок, костюмы, сюжеты. Солистки балета называются здесь «апсара» — «небесные танцовщицы», потому что они ведут свою родословную от тех самых созданных из морской пены и брызг апсар, которые услаждали танцами взоры богов, обитавших на мифической горе Меру. Изображения танцев — любимый сюжет скульпторов, украшавших храмы. И когда Национальный балет дает свои феерические представления среди руин Ангкор-Вата, кажется, будто под звуки волшебной музыки ожили барельефы, высеченные в сером камне, засверкал пурпур одежд, заблестало золото причудливых головных уборов.

И. МАРУНОВА

ВОЗРОЖДЕНИЕ ТЕАТРА «КАБУКИ»

Прославленный традиционный японский театр, представляющий собой причудливый синтез жеста, слова, музыки, хора и танца, ныне поднялся на гребень новой волны популярности.

Трудно предвидеть, как долго продлится нынешнее возрождение театра. Пойдет ли он путем модернизации, переложения древнего искусства на язык современности, как это, например, происходит в Европе с трагедиями Эврипида и Расина? Это маловероятно, поскольку речь идет о театре жеста, а не идеи. В театр «Кабуки» надо ходить, как в живой музей. Изысканность, превеличения в костюмах и жестах, неестественные «потусторонние» голоса, потрясающе выразительная пантомима, своего рода код жестов, звуков, мимики, позы, отсутствие женщин на сцене (женские роли играет специально подготовленный актер — оннагата) — вот арсенал его средств.

Как ни парадоксально, это искусство, уходящее корнями в глубокую древность, недавно встретило неожиданную помощь и обрело новый импульс со стороны телевидения, которое могло бы убить «Кабуки». Вопреки всем ожиданиям популярность театра, бывшего прежде достоянием привилегированного меньшинства, приобрела небывалый размах. При виде ярких красок изгасшего великолетия древней Японии нынешние жители ее городов, хотя и далекие от феодальных нравов гордых самураев, острее ощущают уродство и жестокость современной капиталистической цивилизации.

ПОЭМА

О КРИШНЕ И РАДХЕ

А. СЫРКИН

СОХРАНИЛОСЬ очень мало достоверных сведений о жизни Джаядевы, автора прославленной средневековой индийской поэмы «Гитаговинда», — главным образом те, которые он сам приводит в своем произведении. Известно, что он родился в Кендубилве — скорее всего, это современный Кендули на берегу реки Аджай в Западной Бенгалии, где и поныне ежегодно памяти поэта посвящают празднество. Отца его звали Входажадева, мать — Рамадеви. Джаядева был современником бенгальского царя Лакшманасены, который правил около 1179—1205 годов — в последний период расцвета бенгальского государства. Бенгалия тех лет дала Индии замечательных поэтов и ученых, создавших, пожалуй, последние по времени из наиболее значительных произведений санскритской литературы. Таковы, например, Умапатидхара, Говардхана, Шарана, Дхойи — поэты, которых вместе с Джаядевой называли «пятью драгоценностями» при дворе Лакшманасены. На последние десятилетия XII века и падает с наибольшей вероятностью творчество Джаядевы; во всяком случае, отдельные его стихи успели уже войти в поэтическую антологию, составленную Шридрадасой в 1206 году.

Значительно больше сведений о Джаядеве мы находим в одном из сборников кришнаитских преданий, составленном, по-видимому, уже через несколько столетий после его смерти. Жизнь Джаядевы окружена здесь легендами, расцвечена фантастическими событиями — свидетельство того преклонения, которым традиция окружила имя поэта. Согласно одному из преданий, Джаядева в юности оставил родительский дом и значительную часть жизни провел в странствиях, совершая поклонение Джаганнатхе (буквально «владыка мира» — эпитет Кришны), который наделил его сверхъестественной силой. Так, однажды жена его, Падмавати, лишилась жизни, услышав ложную весть о смерти мужа, и возвратившийся Джаядева оживил ее, лишь произнеся имя божества. Кришна не раз приходил на помощь Джаядеве,

когда тот писал свою поэму у домашнего алтаря. Другая легенда повествует о том, как царь Нилачалы, желая превзойти Джаядеву, написал собственное произведение на сюжет «Гитаговинды» и вызвал поэта на состязание. Судьи оставили оба сочинения перед храмом Джаганнатхи, предоставляя божеству решить, чья поэма лучше, и Джаганнатха возложил себе на грудь поэму Джаядевы. Несмотря на преклонный возраст, поэт, следуя традиционному обряду, продолжал совершать ежедневное омовение в Ганге, хотя река протекала в стороне от его родной деревни. И тогда воды Ганга изменили свое течение и приблизились к Кендубилве.

Существует латинское выражение: «*Homopus libri*» («человек одной книги») — так называли писателя, прославившего свое имя лишь одним произведением. «Людей одной книги» знают разные литературы; в России, например, таким был автор «Горя от ума». Выражение это полностью приложимо и к Джаядеве; кроме «Гитаговинды», под его именем до нас дошло лишь краткое стихотворение, да и здесь нет полной уверенности в его авторстве.

«Гитаговинда» буквально означает «воспетый Говинда», или «песнь о Говинде». Под этим именем (оно может быть истолковано как «приобретающий коров», «пастух-владыка») был известен Кришна, культ которого существовал уже в глубокой древности и многообразно отразился в различных областях индийской классической культуры. Кришна почитался как одно из воплощений (аватар) бога Вишну. Последний выступает уже в ведийских гимнах, играя здесь, как полагают современные исследователи, организующую роль в мироздании в качестве звена между небом и землей.

На протяжении веков и тысячелетий вишнуизм в отдельных своих направлениях претерпевает значительные изменения; усложняется и образ самого Вишну, почитавшегося под различными именами (Васудева, Бхагаван, Нараяна и т. д.), но, при всем этом, он сохраняет черты благодетельного бога-хранителя, который сражается со злыми демонами. Принимая всевозможные обличья, Вишну рождается в различных воплощениях — вепря, карлика, рыбы, человека-льва и т. д., чтобы помочь борьбе со злом, защитить страждущих, восстановить справедливость. Именно таким изображает его классический эпос Ин-

Александр Яковлевич Сыркин (род. в 1930 году) — доктор филологических наук, научный сотрудник Института востоковедения Академии наук СССР. В настоящее время им подготовлен к печати перевод поэмы Джаядевы «Гитаговинда» с исследованием и комментариями, который выйдет в свет в серии «Памятники письменности Востока» (Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»).